

Седовласый и пожилой профессор Игнатий Никодимович Савостин не только внешне своим возрастом, солидностью и манерой держаться походил на научного патриарха, но и был признанным корифеем целого направления органической химии. К своим 70 годам он имел уже все мыслимые и немыслимые титулы и звания: член-корреспондент, доктор наук, почетный профессор нескольких зарубежных именитых университетов и прочее-прочее-прочее. Солидная плеяда его учеников возглавляла кафедры, заседала в ученых советах и большинство из них уже сами имели своих последователей. Казалось, на старости лет можно и успокоиться, но Никодимыч (или как его звали за глаза — «Патриарх») отнюдь не жаловался на свое богатырское здоровье и явно намеревался остаток дней своих прожить, не отказывая себе в самых разных жизненных удовольствиях. Неожиданно для коллег и учеников Никодимыч вдруг объявил на кафедре, которую возглавлял, что хочет создать новую научную группу и подготовить еще несколько кандидатов наук. Заявление всех удивило, поскольку по своему научному рангу Патриарху надлежало бы готовить докторов, а уж никак не возиться с зелеными аспирантами, но это посчитали просто причудой старика. Тем более всем было ясно, что счастливицам, у которых он будет научным руководителем, светит скорая научная карьера.

У Патриарха были, однако, свои далеко идущие планы... Именно поэтому его группу аспирантов составили исключительно молодые женщины, совсем недавно еще бывшие студентками. В университете над этим похихикивали, но всерьез в мужские способности Игнатия Никодимовича, естественно, не верили. Не могли на своего руководителя нахвалиться и молодые аспирантки: солидный, уверенный, всегда подчеркнуто вежливый он уделял им огромную долю своего рабочего времени, искренне интересовался успехами и тем самым контрастировал с молодыми докторами, вечно озабоченными своей карьерой, административными обязанностями и чем-то еще. Обходился патриарх со своими аспирантками вполне по-отечески, но без малейшей фривольности. И вот настал «Час X», ради которого Игнатий Никодимович и затеял всю эту возню с молодыми девушками. В этот день Патриарх пришел на работу веселый и несколько возбужденный и пригласил всех девушек собраться на совещание в своем кабинете. Сам сел во главе стола и без обиняков начал:

— Я думаю, что всем вам хочется побыстрее защитить свои кандидатские и успеть занять место под солнцем. Переворота в науке никто из вас не сделает, но защититься с моей помощью сможете все. Без меня — не знаю, не знаю... Поэтому объявляю о первом и единственном для вас экзамене — приглашаете, девки, меня в гости для общения «тет-а-тет», устраиваете мне досуг, а я выбираю кто из вас этот экзамен лучше сдаст. Прием, так сказать «кандидатского минимума», по предварительной записи, времени на раздумья — две недели. Все ясно?

Девушки никак не ожидали такого пассажа от своего руководителя, но, наверное, пояснить что он имел ввиду еще раз было излишне. Возникла мгновенная пауза, после которой самая молодая из аспиранток — только что закончившая институт с красным дипломом Маша — игриво улыбнулась:

— Ну, считайте меня первой. Только скажите, Вы женщин в каком виде любите?. Патриарх

довольно заулыбался и мгновенно скаламбурил: «В наилучшем. А для этого женщина должна быть раздетой, обутой и готовой на все. Ну, так когда зовете в гости?».

Девушки наперебой стали называть даты, Игнатию Никодимовичу оставалось только записывать время и адреса. Остаток дня он провел за компьютером, собственноручно распечатав листок под ехидным названием: «График индивидуальных экзаменов аспиранток профессором Савостиным»...

Первой он решил посетить самую, на его взгляд, красивую из подчиненных — Ксению. В назначенное время он с коробкой конфет и бутылкой шампанского уже звонил в дверь.

— Входите смелее, открыто, — раздался звонкий женский голос из-за двери, и профессор вошел в комнату. Ожидания не обманули — его глазам предстало роскошное зрелище. Ксюша приветствовала Игнатию Никодимовича сидя на диване перед журнальным столиком. Как и «заказывал» Профессор она была полностью раздета, обута в босоножки на огромном каблуке, ноги ее были широко разведены в стороны, открывая на обозрение аккуратно подстриженную киску.

Профессору оставалось только в этой ситуации осторожно поставить на стол шампанское, приблизиться к женщине и галантно поцеловать ее обнаженную грудь вместо традиционной ручки. Ксюша тут же застонала и уже готова была откинуться на диван, но Игнатий Никодимович не любил торопить события. Он спокойно уселся рядом и попросил подать пару фужеров для шампанского. Ксюша, угадывая желания мужчины, грациозно встала с дивана, не торопясь продефилировала по комнате до серванта и обратно, поставила фужеры на стол и осталась стоять так, что ее киска оказалась прямо перед самым носом Игнатию Никодимовича. Профессор неторопливо откупоривал шампанское, одновременно откровенно и смело разглядывая хозяйку. Девушка, не меняя позы, приняла из рук мужчины фужер с шампанским, единым глотком осушила его и так же продолжала стоять, ожидая от своего руководителя активных действий. Игнатий Никодимович, не торопясь, пригубил шампанское, немного отпил из фужера и предложил Ксюше:

— Будем считать, что в твоём экзаменационном билете один вопрос, и то практический — про минет. Приступай, красавица.

Ксюшу не надо было особо упрашивать, она тут же опустилась на колени перед сидящим на диване Игнатию Никодимовичем, ловко залезла ему в брюки и приступила к сдаче экзамена. «Сдала» она его минут через десять — профессор тяжело задышал, откинулся на спинку дивана и бурно кончил прямо в ротик Ксюше. Девушка жадно высосала все до последней капли и только тогда отпустила Игнатию Никодимовича. Профессор еще пару раз вздохнул, снова глянул на уже поднявшуюся с колен Ксюшу и засобирился домой. «Спасибо, спасибо,» — не забыл он поблагодарить хозяйку, которая так и не одеваясь проводила его до дверей.

О Любе — еще одной своей ученице — Игнатий Никодимович знал очень немного: слышал только, что около года назад она вышла замуж, а совсем недавно справила новоселье.

Приглашение от нее, однако, несмотря на наличие мужа он ждал, и, естественно, получил. Несколько смущаясь, она спросила не сможет ли уважаемый Игнатий Никодимович посетить ее в заранее назначенный день, когда любимин муж уедет в командировку. Профессор плотоядно облизнулся и ответил, что конечно же пойдет навстречу такой просьбе.

Через пару дней потраченных Игнатию Никодимовичем на восстановление сил он стучался в двери указанной квартиры. Люба встретила его на пороге в легком коротком халатике, из которого нагло выпирали ее большие груди. «Пожалуйста, проходите в спальню,» — тут же

пригласила она. Постель была приготовлена и пока Игнатий Никодимович замешкался, не зная куда поставить традиционную бутылочку шампанского, Люба уже избавилась от единственного предмета своего гардероба, успела очутиться в постели, где и присела, широко разведя ноги. Патриарх лишь заулыбался при виде такой поспешности, но не отказал себе в удовольствии полюбоваться интимной красотой зрелой женщины.

— Вам, Любочка, я не буду придумывать особо сложное задание — я просто не откажусь от хорошего секса с Вами. Люба поняла это как призыв к действию — вскочила, страстно поцеловала профессора в губы, и начала раздевать его, не забывая тереться всеми частями тела. Через пару минут Игнатий Никодимович был уже раздет, обласкан и уложен в постель, а Люба очутилась на нем в позе наездницы. Хватило еще пятнадцати минут, чтобы она по довольному лицу Патриарха поняла: «Экзамен сдан!».

Из всех аспиранток, Галя, пожалуй, меньше всех походила на эталон женской красоты в представлении Патриарха. Бывшая спортсменка-легкоатлетка она имела худощавую, поджарую фигуру, небольшие груди и узкие бедра. Все это Игнатий Никодимович и мог лицезреть на следующий день — Галя встречала его тоже на диване, но глядела как-то испуганно и несколько затравленно. Последовал обычный ритуал — поцелуй женской груди, шампанское, затем минет, переходящий в традиционный секс, затем нежное прощание и снова поцелуй... Игнатий Никодимович выглядел вроде бы довольным, но про себя решил: «Да, эту из числа претенденток на победу надо вычеркнуть...»

Машенька не была особо симпатична Игнатию Никодимовичу, да и ее умственные способности он оценивал куда скромнее, чем у остальных девушек, но пропускать ее Патриарх тоже не собирался. На этот раз профессору даже особо не требовалось восстанавливать силы — после начала своей авантюры он чувствовал небывалый прилив бодрости.

Голос Маши по домофону был уже возбужденным и томно-загадочным. Дверь в шикарную квартиру была открыта, на вежливое «Здравствуйте!» никто не отозвался, и профессору пришлось пройти в комнаты без приглашения. Маша встречала его в гостинной, в театральной позе, заломив руку за голову, на краю дивана. Она была полностью раздета, а поза явно специально отрепетирована так, чтобы подать себя в наилучшем свете.

— Что у меня в билете, профессор? — попыталась взять инициативу в свои руки Маша. Однако, Игнатий Никодимович не торопился ее отдавать: сначала он достал из портфеля неизменную бутылку шампанского и коробку конфет, затем строго обратился к Маше: «А какой вопрос Вы знаете лучше всего и хотели бы ответить?». Ответом Маши была цитата из анекдота: «Профессор, ради Вас я готова на все». Вот тут патриарх довольно усмехнулся: «Ловлю на слове и попрошу подставить попочку».

Маша разом смутилась, но не рискнула ничего возразить, а послушно повернулась спиной, наклонилась и оперлась на диван. Игнатий Никодимович медленно с явным удовольствием снял брюки, подошел к девушке и медленно овладел ею «по-содомски». Маша только вскрикнула, на глазах у нее выступили слезы, Игнатий Никодимович сделал вид, что не заметил этого и наслаждался телом. Когда они уже прощались, Маша вдруг как-то по особенному посмотрела на Патриарха и вдруг произнесла: «Благодарю за науку. Вы ведь оказались первопроходцем, профессор». Игнатию Никодимовичу оставалось лишь тихо еще раз восхититься собой.

Танечка тоже абсолютно точно выполнила указания профессора: встретила его в постели,

голенькой, в босоножках на каблукке и с раздвинутыми ножками. Вдобавок, она совсем не заметила как он вошел, поскольку одной рукой нежно поглаживала себя, явно готовя к приходу Игнатия Никодимовича. Патриарх тихо подкрался к постели, проявив недюжинную для своего возраста легкость походки, разделся и только тогда позволил себе деликатно кашлянуть. Танечка мгновенно открыла глаза, повернула голову и едва успела отдернуть руку. Она еще не успела ничего сказать, как Игнатий Никодимович очутился рядом с ней в постели, почти сразу же оказался уже над Танечкой и тут же овладел разгоряченной женщиной.. Особенно много времени не потребовалось — Танечка оказалась не только старательной аспиранткой, но и не менее старательной и искусной любовницей. «Она и здесь первая», — удовлетворенно подумал Игнатий Никодимович; вопрос с «кандидатским минимумом» Татьяны Александровны для него был решен.

Не отказал в неофициальной просьбе почтенного профессора и ученый совет вуза и уже через месяц Игнатий Никодимович горячо обнимал свою лучшую ученицу на торжественном банкете по случаю ее защиты кандидатской диссертации.